

Идеи «Времени», дела «Эпохи»

Продолжая журнал «Время», Достоевский подчеркивал направление издания. В «Объявлении о подписке на журнал "Время" на 1863 год» он объяснял читателю: «Въ сущности одинъ только нашъ журналъ признаетъ вполнѣ народную самостоятельность нашу, даже и въ томъ видѣ, въ которомъ она теперь находится. <...> Мы прямо шли отъ того, что есть, и только желаемъ этому что есть наибольшей свободы развитія. При свободѣ развитія мы вѣримъ въ русскую будущность; мы вѣримъ въ самостоятельную возможность ея» (Θ. Д., V, 468). Эта свобода может быть явлена многообразно, но главное — «хотя бы въ свободномъ словѣ» (Θ. Д., V, 469).

Позже Достоевский более четко сформулировал «почвенническую» идею журналов: «Мы по прежнему убѣждены, что не будетъ въ нашемъ обществѣ никакого прогресса, прежде чѣмъ мы не станемъ сами настоящими русскими». Быть русским — любить Россию: «знать то, что именно теперь надо не бранить у насъ на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить умѣть» (Θ. Д., V, 474). Быть русским — преодолеть вековую национальную замкнутость: «Нашъ русскій прогрессъ не иначе можетъ опредѣлиться и хотъ чѣмъ-нибудь заявить себя, какъ только по мѣрѣ развитія національной жизни нашей и пропорціонально разширѣнію круга ея самостоятельной дѣятельности, какъ въ экономическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, — пропорціонально постепенности освобожденія ея отъ вѣковой ея въ себѣ замкнутости» (Θ. Д., V, 477).

Эти и другие идеи «Времени» братья Достоевские отстаивали в полемике. В отличие от современников, они не уповали на конституцию, республику или народный бунт, не видели спасения человечества в разумном эгоизме, одними из первых разглядели опасную болезнь — нигилизм; как и все, не сдружились со славянофилами, спорили об исторических путях и перепутьях России.

И все-таки главным делом была литература — «одно изъ главнѣйшихъ проявленій русской сознательной жизни» (Θ. Д., V, 460).

Исключительное значение в оригинальной концепции литературы Достоевского имел фельетон.

В этом томе мы публикуем фельетонный рассказ «Скверный анекдот», фельетон «Зимние заметки о летних впечатлениях», литературно-критические и публицистические статьи 1861–1865 гг.

Название программного фельетона Достоевского («Петербургские сновидения») стало метафорой его творчества: ему, автору, мечтателю и фланеру, в уличных и бытовых сценках, в газетных сенсациях и скандалах мерещатся разные истории, «снятся» прошлые и будущие повести и романы, из духа «умышленного города» возникают «фантастические» титулярные советники, петербургские флибустьеры и Гарпагоны, романтические Амалии и романтические «оскорбленные девочки», «скверные» и «трагические» анекдоты.

Фельетонная «злоба дня» бьет через край в рассказе «Скверный анекдот». Достоевский рассказывает извечную чиновничью историю, смысл которой афористически выражен нашим недавним премьером — «реформатором»: «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Собрались три генерала на дружеский ужин: два «старых», заслуженных, и третий — «молодой», недавно произведенный в генеральский чин Иван Ильич Пралинский, который и витийствовал, убеждая товарищей — «ретроградов» проявить «гуманность с подчиненными». Обиженный насмешливым молчанием коллег и раздосадованный отсутствием кучера, он решает доказать правоту своих убеждений на деле: проходя мимо свадьбы своего подчиненного — регистратора Пселдонимова, «либеральный» генерал решает осчастливить его — незванным гостем появиться на свадьбе и сыграть застольную роль «свадебного генерала», но сыграть не «просто так», а в духе новых «гуманных» веяний. Нежданное появление на свадьбе начальства производит скандальные последствия — о них и рассказ; сам же «отчаянный либерал» становится после «скверного анекдота» не менее «радикальным» ретроградом, вводящим в краску стыда даже своих отнюдь не либеральных сослуживцев.

Пародийную угрозу фельетониста «Головешки» *обличить свадьбу* исполнил сам автор рассказа. В его трактовке ироничное обозрение чиновных нравов предстает сатирой на либеральные иллюзии и устремления начальства, на тщеславную суету людей и их амбиционные страсти. Иное отношение к этим трагикомическим и почти водевильным обстоятельствам проявляет мать обиженного чиновника Пселдонимова. Тихо и смиренно, по-народному мудро и христиански сострадательно она ухаживает за оконфузившимся генералом. Ее появление придает новое измерение рассказанной истории — сатира Достоевского всегда указывала на идеал¹.

«Фельетоном за все лето» назвал Достоевский «Зимние заметки о летних впечатлениях» в подзаголовке журнальной публикации, но

¹ Ср. с поздним высказыванием писателя: «Наши сатирики не имѣютъ положительнаго идеала въ подкладѣ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. Л. 162).

позже снял это жанровое пояснение. Очевидно, на это были свои причины. Достоевский сочинил нечто большее, чем фельетон.

Лето 1862 г. писатель провел в Западной Европе. Впервые за сорок лет жизни у него появилась возможность воочию проверить то, о чем он читал в книгах. Ни одно из последовавших затем заграничных путешествий не имело столь важного значения, как эта первая поездка. «Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденѣ—Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что—нибудь порядочно разглядѣть проѣхавъ столько дорогъ только въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ», — перечисляет Достоевский места своего идейного путешествия по Европе (Ф. Д., V, 58—59). Но в целом «Зимние заметки о летних впечатлениях» меньше всего похожи на «путешествие», «путевые записки», «заметки» и т. п. Почти три из восьми глав произведения автор провел с читателем в вагоне поезда, но ни разу не взглянул в окно; пообещав рассказать о Париже, он так и не сдержал слово, увлекшись в трех последних главах трактатом о парижском буржуа. Только одна глава (и то внешне) напоминает о «путешествии», но лишь в той части, в которой описана поездка в Лондон. А ведь если бы Достоевский описывал именно путешествие или только бы вспоминал о Париже и Лондоне, у него было бы достаточно «впечатлений», чтобы удовлетворить требованиям названных выше жанров: ведь в первом случае он «целый месяц без восьми дней» прожил в Париже.

В «Зимних заметках» — восемь глав. Некоторые главы выдерживают «фельетонную» поэтику, но не все: в первой главе «Вместо предисловия» обыгрывается выбор жанра, вторая глава «В вагоне» — «критическая статья», «Глава третья и совершенно лишняя» — трактат о русской Европе; лишь со следующих глав возникает обозрение различных сторон жизни «европейской Европы»: полицейский шпионаж за иностранцами (гл. IV), сопоставление Парижа и Лондона (гл. V), художественно-философский «опыт о буржуа» в идеологическом (гл. VI), общественном (гл. VII) и семейном (гл. VIII) аспектах. Достоевский сознавал жанровую многозначность произведения. Во второй главе он задает характерный вопрос: «А кстати: уж не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу?» (Ф. Д., V, 64). Тем не менее получилась статья о русской литературе в ее отношении к Европе. В состав третьей («совершенно лишней») главы Достоевский включил воображаемый разговор о том, как «слиться» с народом; приписываться ли к крестьянской общине или нет (в разговоре некто опасается, что по мирскому приговору могут как—нибудь и высечь). Этот диалог вызвал упрек одного из слушавших: «— Да что же это, прибавить третій: — обо всемъ этомъ вы са-

ми пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?». На этот вопрос у автора готов ответ: «вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее» (Ф. Д., V, 69).

Центральная проблема «Зимнихъ заметокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» — проблема «русского отношенія» къ Европе. Это не случайно возникшій вопрос. Со всей остротой онъ былъ поставленъ реформой 1861 г. какъ *проблема выбора историческаго пути Россіи*. Въ творчестве Достоевскаго «Зимніе заметки» являются непосредственнымъ художественнымъ развитіемъ «Записокъ изъ Мертвора Дома»: отрицая «недавнее давнопрошедшее время», Достоевскій столь же категорично отвергъ буржуазную «общественную формулу» — «царство Ваала».

В «Запискахъ» представлены две Европы, «русская» и «европейская». «Русская Европа» — это восторженный славянофильскій образъ «страны святыхъ чудесъ», великихъ подвиговъ въ исторіи и дерзаний чело-веческаго гения въ искусствѣ. «Европейская Европа» не совпадаетъ съ «русской» — тамъ все уже давно иначе.

«Ваалъ» — ключевой образъ въ «Зимнихъ заметкахъ». Разясненію этого образа посвящена цѣликомъ пятая глава, въ которой сравниваются две буржуазныя столицы міра — Лондонъ и Парижъ: въ Лондонѣ — бесцеремонное и циничное поклоненіе Ваалу («Ваальъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ» — Ф. Д., V, 93), въ Парижѣ буржуа словно боится чего-то (народа), не увѣренъ въ себѣ — или, какъ замѣтилъ Достоевскій, «ежится» (Ф. Д., V, 94, 103, 107). Древнее божество, которому во имя матеріальнаго благополучія приносили въ жертву людей, стало у Достоевскаго символомъ буржуазнаго «благоденствія», въ жертву которому принесенъ не только человекъ, но и народъ. Разочарованіе въ будущемъ и поклоненіе Ваалу «замѣчается, — какъ пишетъ Достоевскій, — сознательно, только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да безсознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленияхъ всей массы» (Ф. Д., V, 87). Это особенно поразило Достоевскаго: «Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощупали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую» (Ф. Д., V, 89). Торжество Ваала — торжество буржуа. Въ торжествѣ буржуа Достоевскій виделъ страшное пониженіе социальной мысли, человѣческой культуры, искусства. Его трактатъ «Опытъ о буржуа» — пожалуй, самое антибуржуазное произведеніе мировой литературы.

«Ваалу» Достоевскій противопоставилъ «утопію».

В «Зимнихъ заметкахъ» идеалъ раскрытъ въ анализѣ причинъ несостоятельности въ буржуазномъ обществѣ лозунговъ французской революціи XVIII в. Убѣжденіе Достоевскаго: «Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей лично-

сти, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально чело-вѣка» (Θ. Д., V, 100). Пафос автора заключен в напоминании читателю евангельской проповеди Христа: «Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится» (Θ. Д., V, 102).

В этих «зимних заметках» о «русской» и «европейской» Европе Достоевский проявил такую высокую страстность утверждения своего идеала, что, пожалуй, можно дать лишь одно определение жанрового содержания произведения — поэма, вдохновенная поэма в прозе, *поэма о России*, прокламация писателем своих убеждений, его откровение в форме фельетонного обозрения «летних впечатлений». Оригинальный жанр «Зимних заметок» возникает на основе взаимодействия «поэмы» и «фельетона». Как уже отмечалось, жанровый состав произведения разнообразен: критическая статья, трактат, «анекдоты», жанровые сценки, пародии, памфлет. Свободна, как непринужденная речь, композиция текста: после выбора оригинального жанра («зимние заметки о летних впечатлениях») в двух главах длится «праздная болтовня» с самим собой и воображаемыми собеседниками в вагоне, заверченная вокруг скандальной фразы Фонвизина о том, имеет ли француз рассудок; в двух жанровых сценках дан переход от «русской» к «европейской» Европе, которая давно стала, по мнению Достоевского, «кладбищем» великих идей и в которой торжество буржуа есть торжество Ваала над народом.

В фельетонном стиле выдержана литературная критика и публицистика Достоевского. Этот том состоит, преимущественно, из анонимных и псевдонимных произведений, которые были атрибутированы Достоевскому лишь после смерти писателя. Только несколько статей и примечаний в журнале «Эпоха» (1864—1865) подписаны его именем. Достоевский не включал их в свои переиздания и собрания сочинений. Их достоинство и ценность стали очевидны, когда в XX в. открылся масштаб художественного дарования русского гения.

В критике и публицистике «Времени» преобладали редакционные материалы. Подчеркнуто анонимны были почти все статьи самого Достоевского.

Зачем Достоевский скрывал свое Лицо?

Что стоит за этим поведением именитого автора?

Как объяснить его присутствие во многих редакционных материалах «Времени»?

Говорят, другие авторы подражали Достоевскому, но куда потом исчезли десятки талантливых критиков и публицистов, непонятно из каких соображений сознательно и бессознательно соревновавшихся в подражании Достоевскому? Где эффект подражания в других статьях этих авторов? Где, наконец, эти призрачные авторы, которые не запечатлены ни в письмах, ни в записных тетрадах редакторов, ни в приходно-рас-

ходной и гонорарной книгах «Времени» и «Эпохи»? Где продолжение этого уникального и отчасти фантастического эксперимента?

Достоевские редактировали все публикации «Времени» и «Эпохи»: правили статьи; то, с чем были согласны, пропускали в печать; то, что вызывало возражения, отклоняли. В дополнение к ранее сказанному (Ө. Д., IV, 807–817) приведу новые свидетельства о характере редакционной работы Достоевского.

Среди сотрудников «Времени» и «Эпохи» были авторы, которых Достоевский учил писать, — это П. А. Кусков, К. К. Сунгуров, П. А. Бибииков, Д. В. Аверкиев и др.

Были авторы (и среди них — Н. Н. Страхов), которые готовили материалы для редакционных статей «Времени»: составляли компиляции и заготовки для их последующей литературной обработки².

Были авторы, публикации которых Достоевский сопровождал редакционными вставками и примечаниями (Н. Н. Страхов, А. У. Порецкий, П. А. Кусков, П. М. Ковалевский и др.).

Основными критиками и публицистами журнала «Время» были Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, А. Е. Разин, М. И. Владиславлев.

О многом могут рассказать гонорарные записи редакторов.

По обыкновению, гонорары выплачивались, когда были деньги. Иногда выплаты точно соответствовали объему конкретных статей, но нередко производились частями (в таком случае объем написанного следует рассчитывать из общей суммы выплат).

У каждого сотрудника была своя гонорарная ставка. Обычно 1 авторский лист (16 страниц) оценивался в 50 рублей. Два исключения красноречивы: самая высокая гонорарная ставка среди сотрудников была у политического обозревателя А. Е. Разина (60 руб. за лист), самую низкую назначили А. У. Порецкому (30 руб.), что можно отчасти объяснить компилятивным характером раздела, который он вел.

А. А. Григорьев — яркая и самобытная фигура в редакции «Времени», но ни по срокам, ни по характеру своего участия в журналах Достоевских он не был вождем нового литературного направления³: критик и поэт, он дополнял, развивал, углублял почвеннические идеи, давал оценки текущей литературе и театру, задавал тон в полемике, спорил и отстаивал свои мнения, вводил оригинальные журнальные рубрики — словом, оживляя редакционную жизнь, он тем не менее

² Ср. с характерной фразой из письма Достоевского А. П. Милюкову, обратившегося к последнему с просьбой прислать роман В. Гюго «Отверженные»: «Мне это надобно для одного соображения, компонирую статью» (Д., XXVIII. Кн. II, 104).

³ Иная роль, по воспоминаниям Страхова, была у Григорьева среди молодых сотрудников «Времени» (*Биография*, 205). Здесь он собирал вокруг себя молодых авторов, был душой застолий и предводителем компаний.

не определял редакционную политику, и понимание своей несамостоятельности провоцировало конфликты: он то уходил, то возвращался в журналы братьев Достоевских.

У Григорьева были свои понятийный язык, оригинальные эпитеты, выразительная патетика. Его статьи заметны среди статей других авторов.

Если считать все гонорары, которые Григорьев получил деньгами, книгами и табаком за первые пять месяцев сотрудничества с братьями Достоевскими, то по гонорарной книге эта сумма составляет 798 рублей 36 копеек⁴, в том числе 15 рублей за стихи «Венеция (отрывок из Байрона)», что означает, что при ставке 50 рублей за лист он должен был напечатать за 783 рубля 36 копеек 250,7 страниц критической прозы. В февральском—майском номерах «Времени» объем 11 статей Григорьева, уверенно атрибутируемых ему («Народность и литература», «Западничество в русской литературе», «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики», «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения», «О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности (из записок ненужного человека)», «Тарас Шевченко», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. II. «Псковитянка», драма Л. Мея», «Взгляд на книги и журнальные статьи, касающиеся истории русского народного быта», «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», «Стихотворения А. С. Хомякова»), составляет в общей сложности неполные 252 страницы. Приведенная арифметика означает, что гипотетически атрибутированные ему ранее Б. Ф. Егоровым⁵ и В. С. Нечаевой⁶ статьи «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года. (Пейзаж и жанр) Ивана Генслера» и «Несколько слов о Рис-тори» на самом деле принадлежат другим авторам.

Еще один сотрудник журналов Достоевских, Н. Н. Страхов, писал философскую критику и по страстному понуждению Достоевского вел полемику. Достоевский пытался вдохновить его на горячее и заинтересованное обсуждение острых проблем современной журналистики и критики. Страхов трезво и рассудочно излагал почвеннические идеи в своих философско-критических трактатах, имевших в названии «нечто» или «по поводу» (ср., например, «Нечто о Шиллере», «Нечто о петербург-

⁴ В приходно—расходной книге выплаты Григорьеву на 28 марта 1861 г. (далее записи за 1861 г. отсутствуют) составили 666 рублей 70 копеек, что приблизительно соответствует расчетам с ним по гонорарной книге.

⁵ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Статья 1. Приложения. I. Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // Труды по русской и славянской филологии. Вып. III. Тарту, 1960. С. 836.

⁶ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». М., 1975. С. 235, 261.

ской литературе», «Нечто об "опальном журнале"», «Нечто об авторитетах», «Нечто о полемике» и т. п.), писал назидательные письма в редакцию. От него никто и не требовал формулировать идеи «Времени». Он разделял идейную и эстетическую позицию братьев Достоевских, умел с ученой точки зрения развить «почвеннические» взгляды, и редакция была им довольна.

Впрочем, в сотрудничестве Страхова с редакцией «Времени» есть одна несообразность: получал он из редакционной кассы больше, чем публиковал под своим именем и псевдонимами, то есть больше, чем можно ему приписать. Очевидно, в поздних воспоминаниях Страхов умолчал еще об одной стороне своей работы в журнале: он не только писал статьи и письма, участвовал в полемике и вел критику. Эту тайную сторону его редакционной жизни в журнале приоткрывает письмо Страхова брату от 22 июня 1861 г.: «...я *под забралом* вел и веду там полемику с господами Авдеевым, Веселовским, Панаевым, Вейнбергом, Чернышевским, Писаревым и т. п. Находят, что дело идет хорошо»⁷.

Участие Страхова в журнале было более значительным, чем тот рассказал об этом потомкам. Он умолчал о своей литературной подцензуре во «Времени», о том, что готовил компиляции, реферативные обзоры полемики, наспех составлял необработанные тексты, которые потом редакция доводила «до ума», то есть поднимала градус поэзии и полемики, приводила их в соответствие с направлением журнала, исправляла и переписывала наброски и заготовки.

Страхов был рассудочен, трезв, невозмутим, он избегал прямых суждений, редко доводил мысль до афористической ясности. Как точно подметил позже Достоевский, Страхов «в статьях своих говорил *обыкновенно*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю не больше, и жажду славы»⁸. Эту сторону личности критика и философа лучше всего характеризуют зачины абзацев страховских статей. Вот «типические места» — привожу из разных статей в порядке их следования — в статье «Один поступок и несколько мнений г. Камня Виногорова в № 8 газеты "Век"»: «По видимому, нельзя не прийти въ умиление...», «Съ нашей стороны, повидимому...», «Научатся, что-ли...», «Чтоже это то такое?», «Положимъ, что...», «Таковъ, какъ намъ кажется...», «Это немножко странно...» и т. п.; в статье «Нечто о петербургской литературе»: «Не правда ли, на эти вопросы...», «А впрочемъ — знаете ли, къ чему клонится моя рѣчь?», «И такъ я считаль бы себя...», «Уже издавна замѣчено, что...», «Но не правда ли, какъ это вѣрно...», «Мы чувствуемъ въ московскихъ книжкахъ...», «То, что я сказалъ, конечно, представляетъ...», «Вполнѣ чув-

⁷ Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 379. (Литературное наследство; т. 86).

⁸ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. М., 1971. С. 619. (Литературное наследство; т. 83).

ствую, что я сказалъ...», «Я чувствую, что сообщаю...», «Глядя на эту юность, я предаюсь...», «Не считайте этого парадоксомъ, не думайте, что...» и т. д.; в статье «Еще о петербургской литературе»: «Кто не согласится, что въ настоящее время...», «Однимъ словомъ, никогда еще на Святой Руси...», «Статьи эти показались мнѣ...», «Повидимому слѣдуетъ поступать иначе...», «Замѣчаете ли вы, какъ...», «Начали мы съ отрицанія...», «Разумѣется, общіе авторитеты уже не могли служить...», «И такъ вы видите, общіе авторитеты...» и т. д., и т. п.

И Страхов, и Григорьев сохраняли свое лицо в анонимных публикациях «Времени» и «Эпохи».

В критике и полемике при ведущей и направляющей роли Достоевского редакция опиралась на А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, во внутренних новостях и политическом обозрении международных известий исправно тянули свою редакционную лямку А. У. Порецкий и А. Е. Разин, встали в ряды критиков «Времени» М. И. Владиславлев, К. К. Сунгуров, И. Г. Дологомостьев и П. А. Бибилов, в «Эпохе» к ним примкнули Д. В. Аверкиев и Н. И. Соловьев.

Не всем сотрудничество удавалось. Достоевский возлагал большие надежды на критика и фельетониста П. А. Кускова. В свою очередь, тот на лету ловил мысли Достоевского, но ставил их на ходули. Он явно писал фельетоны с голоса Достоевского, но в безапелляционном профанирующем тоне, как бы пересказывая услышанное от редактора. Все шло хорошо, пока М. Н. Катков не посчитал Достоевского автором фельетона «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов». Успех сближает, неудача и скандал разводят. Кусков в своем «Письме к "Русскому Вестнику"» и Достоевский в статье «Литературная истерика» посрамили Каткова за ошибку, но статьи и фельетоны Кускова исчезли из оглавления «Времени». В полемике Достоевский и Кусков выступили общим фронтом, а в жизни разошлись: с точки зрения редактора, виноват в «скандальных» неловкостях Кусков. Воспитания в авторе второго Достоевского не получилось, но Достоевский запомнил свой стилистический эксперимент: фельетонные интонации Кускова проскальзывают в речевом образе Версилова, героя романа «Подросток» («Я ужасно люблю...» и т. п.).

Как в симфоническом оркестре, в редакции журнала были важны все инструменты и все партии.

Достоевские иронизировали над журналами, объявлявшими о наличии «портфелей редакции». Это наивное самодовольство веселило и забавляло редакторов «Времени» и «Эпохи», у которых не было «портфеля», в их редакциях не копились рукописи, ожидая своей очереди на публикацию. Достойные сочинения мгновенно шли в номер. Доверенным авторам редакторы заказывали повести и рассказы, статьи и фельетоны, рецензии и переводы. Вот, например, как М. М. Достоевский заказывал 30 октября 1861 г. начинающему литератору и своему бу-

дущему зятю М. И. Владиславлеву статьи для ближайшего номера «Времени» — одну об английских университетах («Хорошенько нападите на всѣ учрежденія англійскихъ Унив<ерситетовъ>, которыя намъ т<о> е<сть> русскимъ не годны»), другую — о Сперанском («Панегириковъ не нужно. Все дѣло тутъ въ самомъ Сперанскомъ. Но нечего васъ учить: вы сами это ужъ знаете»)⁹. Заказ сформулирован предельно откровенно: автор должен был живо и занимательно написать статью, которая бы соответствовала ожиданиям редакции.

Большинство романов и повестей, рассказов и статей отправлялось не в мифический «портфель», а в редакционную корзину. О ее содержании можно судить по списку разобранных рукописей, обнаруженных после смерти М. М. Достоевского¹⁰. Это то, что не пошло в дело.

Достоевские создавали направление журнала, формулируя программные идеи в объявлениях о подписке, в критических статьях; авторы читали и обсуждали свои сочинения на редакционных собраниях, редакторы правили чужие тексты как свои.

Не только естественное любопытство понуждало Достоевского просить авторов прочесть для обсуждения любой фрагмент статьи, предназначенной для ближайшего номера. Надо ли говорить, что прошедшая обсуждение статья имела в результате иной вид, чем в замысле. В редакционном кружке «Времени» вызревали темы будущих статей, оттачивались приемы полемики ведущих авторов, возникал общий пафос деятельности.

Ряд статей и фельетонов редакция просто покупала у авторов. Поскольку условием публикации являлось, как правило, требование анонимности, у автора не было причин отстаивать свои литературные амбиции, он продавал — редакция покупала его труд, получая в свою собственность и распоряжение чужой текст, который подвергался правке: всегда исправлялся, нередко переписывался от начала до конца.

В этом томе мы публикуем новые тексты Достоевского.

Так же, как и в четвертом томе, мы подтверждаем результаты исследований Г. Хетсо (Kjetsaa) — возможность атрибуции Достоевскому статей «Дворянин, желающий быть крестьянином», «Противоречия и увлечения «Времени»», «Полемический случай с «Основой» и «Сионом»», «Рассказы Н. В. Успенского»¹¹.

В основной корпус текстов Достоевского включены статьи «Рассвет. Журнал для девиц», «Явления современной литературы, пропущенные

⁹ РГБ. Ф. 93. III. 8. 11. Л. 1.

¹⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». С. 277–288.

¹¹ Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Oslo, 1986. С. 67–71.

нашей критикой. Г-жа Кохановская и ее повести», «Дворянин, желающий быть крестьянином», «Критические вариации на разные темы», «Голос за петербургского дон-Кихота. По поводу статей г. Театрина», принадлежность которых Достоевскому установлена (а в ряде случаев подтверждена) на основании идейно-тематического и лингвостатистического анализа, а также изучения гонорарной и приходно-расходной книг журналов Достоевских.

В разделе «Редакторская работа Достоевского» публикуются тексты, в которых участие писателя выразилось в форме соавторства: давно замеченные исследователями две вставки Достоевского в статье «Вместо фельетона» делают редактора «соавтором» П. А. Кускова; отчасти подтверждены атрибуции Л. П. Гроссмана по участию Достоевского в разделе «Наши домашние дела», которое определено нами не как авторство, а как соавторство с А. У. Порецким. В этот же раздел «Редакторская работа Достоевского» включены статьи, в которых соавторство достоверно не определено, но сами они предположительно являются авторской переработкой чужого текста (компиляций, заготовок и т. п.): это статьи «Литературные воспоминания И. Панаева. Часть первая», «Литературные воспоминания И. Панаева. Часть вторая», «Бесцветные явления. Быль молодцу не укор. Новая комедия г. Н. Потехина», «Некролог. Иван Иванович Панаев», «Полемический случай с "Основой" и "Сионом"», «Критики-этнографы. Малороссийский писатель Гоголь, по г. Кулишу и Максимовичу», «Девятнадцатый номер "Дня"».

В этом же разделе помещены редакционные примечания к различным статьям «Времени» и «Эпохи»; большинство примечаний принадлежит перу Ф. М. Достоевского, но в их подготовке не исключено участие редактора и издателя М. М. Достоевского.

По-прежнему актуален давний спор об атрибуции статьи «Выставка в Академии Художеств за 1860—61 год», напечатанной в октябрьском номере журнала «Время» (1861). Л. П. Гроссман и О. фон Шульдц однозначно приписали ее Достоевскому. С их аргументами согласился Б. В. Томашевский: «Действительно, многое в этой статье говорит в пользу ее принадлежности Достоевскому»¹²; однако он же отметил стилистическую близость статьи о выставке 1861 г. с обзором художественной выставки 1862 г., но ошибочно предположил, что за инициалами П. К., которыми подписан обзор 1862 г., скрывается Платон Кусков (на самом деле П. М. Ковалевский), и отнес атрибутируемую статью к разряду *dubia*. Г. М. Фридлендер аргументировал принадлежность статьи Достоевскому (Д., XIX, 314—321). Г. Хетсо на основании лингвостатистического анализа статьи («2 плюса и 13 минусов», по его методике определения авторства) высказался против атрибуции ее Дос-

¹² Томашевский Б. В. Примечания // Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений: тт. I—XIII / Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Т. XIII. М.; Л., 1930. С. 608.

товескому¹³. Наш анализ подтвердил выводы норвежского исследователя при рассмотрении текста в целом, но при разделении статьи на три части (оригинальный текст Достоевского в начале статьи, значительно отредактированный им текст в середине статьи, незначительно отредактированный чужой текст в конце статьи) мы получили иные результаты: первая и вторая части по всем методикам статистического определения авторства атрибутируются Достоевскому, третья часть дает отрицательный результат, что очевидно указывает на соавторство в статье; соавтор Достоевского — П. М. Ковалевский, обзор которого, опубликованный во «Времени» год спустя, написан в том же стилистическом ключе, что и третья часть статьи о выставке 1861 г.

Как возник цикл статей, включенный в рубрику «Редакторская работа Достоевского», лучше всего объясняет сам Достоевский. Произведения писателя имеют одно примечательное качество: у Достоевского текст объясняет текст, зачастую подсказывает безошибочный способ решения проблемы.

Достоевский переписывал чужие статьи, но как?

В статье «Г-жа Кохановская и ее повести» он дает замечательный урок подобной редакторской работы. Достоевского возмутила невнятная оценка литературных заслуг С. Т. Аксакова в статье «Энциклопедического Словаря»¹⁴. Сначала Достоевский приводит чужой текст, потом показывает, как «нужно бы было изменить отзыв “Словаря” об Аксаковѣ; Аксаковѣ, какъ явленіе глубокое и огромное, необходимо долженъ былъ стать камнемъ преткновенія для узкой и слабой критики, и дѣйствительно эта критика запнулась за него и выказала на немъ свое безобразное безсиліе» (Θ. Д., V, 220).

Вот для наглядного сравнения два полных текста — до и после правки.

Энциклопедический Словарь	Время
Критика наша еще не сказала послѣдняго слова о значеніи Аксакова и трудовъ его въ исторіи литературы. Первые сочиненія его, объ охотѣ и уженъи, по своей специальности, были замѣчены многими.	Критика наша, по недостатку въ послѣднее время критическихъ талантовъ, не успѣла еще показать значенія Аксакова, хотя онъ несомнѣнно занялъ высокое мѣсто въ нашей литературѣ. Уже его сочиненія объ охотѣ и уженъи были замѣчены многими.

¹³ Хетсо Г. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ М. Л. <М. Н. Лонгиновъ> Аксаковъ Сергѣй Тимофѣевичъ // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. 2. СПб., 1861. С. 391—392.

Масса публики даже жалѣла, что мастерскія описанія и картины природы перемѣшаны, въ этихъ произведеніяхъ съ техническими подробностями и непонятными для большинства. Успѣху «Семейной хроники» много содѣйствовало время ея появленія (1856 годъ), когда русская литература только-что проснулась отъ долгаго бездѣйствія. Но и въ то время уже нашлись голоса въ журналистикѣ, обвинявшіе автора, если не въ сочувствіи его, то по-крайней-мѣрѣ въ совершенномъ безучастіи къ такимъ личностямъ, какъ Куролесовъ и даже самъ Багровъ, обходившійся возмутительно съ своею женою и домашними.

Петербургскіе журналы находили, что невозможно было восхищаться подобнымъ характеромъ, и главнымъ достоинствомъ разсказа считали типически-вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Московскіе органы гласности, доводившіе поклоненіе Аксакову до высшей степени, восторгались безусловно всякою строкою «Хроники» и не совсѣмъ ловко опровергали всѣмъ извѣстный фактъ, что исторія семейства Багровыхъ — была исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ.

Полемика эта была, впрочемъ, непродолжительна, и когда черезъ два года явилось продолженіе

Не смотря на техническія подробности, важныя для однихъ специалистовъ, эти сочиненія читались всѣми, потому что главное ихъ достоинство состояло въ мастерскихъ картинахъ природы, русской природы, прочувствованной русскимъ человѣкомъ. Затѣмъ *Семейная Хроника* (1856) имѣла громадный и вполне заслуженный успѣхъ. Только совершеннымъ отсутствіемъ глубокаго пониманія объясняется то, что нашлись въ журналистикѣ голоса, обвинявшіе автора то въ какомъ-то безучастіи, а то напротивъ въ сочувствіи къ такимъ лицамъ, какъ Куролесовъ и Багровъ, въ ихъ дурныхъ сторонахъ и поступкахъ.

Этихъ критиковъ главнѣйшимъ образомъ кажется занималъ вопросъ, что слѣдуетъ дѣлать — щедро наградить или повѣсить Куролесова и Багрова? — и они были въ крайнемъ недоумѣніи, что не смотря на типически вѣрное и глубокое изображеніе дѣйствительности у Аксакова, они не въ состояніи рѣшить такого простаго и легкаго вопроса. Впрочемъ московскіе журналы отдали Аксакову слѣдующую ему дань похвалы и удивленія и, когда петербургскіе журналы стали намекать, что «Хроника» есть исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ, справедливо замѣтили, что не въ этомъ дѣло. *Хроника* есть безъ сомнѣнія главное произведеніе С. Аксакова.

Черезъ два года послѣ нея явились «Дѣтскіе годы Багрова-внука», въ которыхъ проявился

«Хроники» — «Дѣтскіе годы Багрова-внука», число хвалебныхъ статей объ этой книгѣ было уже значительно меньше. Стали находить въ ней длинноты, скучныя повторенія. Сама публика встрѣтила книгу съ мѣньшимъ сочувствіемъ; интересъ ея былъ замѣтно слабѣе. Когда же явились (въ томъ же году) разныя мелкія сочиненія автора, «Современникъ» высказалъ прямо, что видитъ во многихъ статьяхъ — старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Другіе журналы отозвались объ нихъ уклончиво, болѣе изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ и личнымъ достоинствамъ писателя.	тотъ же талантъ, хотя въ болѣе узкой рамкѣ. «Современникъ», не понимая всей прелести этой книги, съ чрезвычайнымъ усердіемъ напалъ на нѣкоторыя ея длинноты и повторенія. Когда же явились въ томъ же году разныя мелкія сочиненія автора (въ которыхъ главное мѣсто занимаютъ его «Театральныя и литературныя воспоминанія»), «Современникъ», съ обычною смѣлостью и тонкостью, нашолъ въ нихъ почти одну старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Эта придиричивая и слѣпая критика не вызвала даже никакихъ опроверженій со стороны Москвы, по той простой причинѣ, что не стоила ихъ. «Воспоминанія», не смотря на малое историческое значеніе многихъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, представляютъ удивительно живую картину и вполне воскрешаютъ передъ нами какое бы ни было, но все-таки <i>наше</i> бывшее время.
Смерть его была встрѣчена съ сожалѣніемъ всѣми, безъ различія взглядовъ, потому-что литература теряла въ немъ благороднаго независимаго дѣятеля.	Какъ бы то ни было, сочиненія С. Аксакова признаны въ настоящее время классическими, то-есть поставлены общимъ мнѣніемъ наряду съ лучшими произведеніями въ нашей литературѣ. Преподаватели словесности повсюду употребляютъ ихъ въ школахъ, какъ образцы для развитія ума и вкуса въ своихъ питомцахъ.

В результате редакторской правки возникает новый текст, противоположный по смыслу прежнему. Чужой текст буквально преобразуется на глазах: в нем появляется оригинальная идея и новая концепция статьи, в которой автор не только высказывает высокую оценку творчества писателя-славянофила, но и делает глубокие историко-литературные

обобщения о значении литературы, об отношениях литературы и критики, петербургских и московских журналов.

В цикле статей из редакторской работы Достоевского подчас возникает полемика ради полемики, появляется пониженный градус вдохновения, присутствует отредактированный «чужой текст» (вдруг проступает ригористическая афористика Страхова или неумная экзальтация Кускова и т. п.). И хотя это зачастую незначительные фрагменты, перед нами знаки того, что это не вполне оригинальный авторский текст.

Данный цикл имеет свою поэтику, и это поэтика оригинальных сочинений Достоевского. В них возникает диалогическая структура текста, которая отсутствовала у всех других авторов критического отдела (у А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, М. М. Достоевского, П. А. Кускова, М. И. Владиславлева и др.). Признаки, указывающие на стиль Достоевского, — местоимение *мы*, неперенные обращения к читателю. Анонимный автор использует прием полемического нагнетания каскада риторических вопросов, которые аналитически разлагают предмет дискуссии на составляющие, формально не требуют ответа, но самой последовательностью вопрошания подсказывают ответ.

Образцом подобной работы могут служить две статьи о литературных воспоминаниях Панаева. Эти статьи приписывают Страхову, основываясь на гипотетическом расчете объема текстов и гонорарных выплат. Между тем в статьях почти нет ничего «страховского»: нет характерных признаков его стиля (невнятные зачины абзацев), зато появляются нехарактерная эмоциональность, каскады вопросительных интонаций, игровые диалоги с читателем. Только в начале второй статьи есть нерастаявшая «льдинка» страховского стиля: «Источникъ этой борьбы заключается глубоко въ самомъ руслѣ челоувѣческой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, — у древнихъ ея не было. У древнихъ, въ цвѣтущую эпоху древности не было писателей, а были только мудрецы, законодатели; не было поэтовъ, а были только слагатели молитвъ и священныхъ сказаній; не было художниковъ, а были только строители общественныхъ зданій и ваятели статуй боговъ. Каждый челоувѣкъ служилъ общему дѣлу жизни и слѣдовательно не могъ пожаловаться на свою участь и позавидовать судьбѣ другого. Когда же въ первый разъ явился челоувѣкъ, который усомнился во всецѣлой своей принадлежности этому общему духу, который богохульно утверждалъ, что онъ дѣйствуетъ по внушеніямъ своего собственного генія, который свое право поставилъ наравнѣ съ правомъ государства, — словомъ, когда явился Сократъ, то афиняне отравили его цикутой» (Θ. Д., V, 579—580). И с таким наивным глубокомыслием («Мы любимъ дѣлать то, что хорошо дѣлаемъ, и можемъ хорошо дѣлать только то, что любимъ. Нужно любить свою литературу; писатель долженъ съ любовью заниматься писательскимъ дѣломъ, а читатель съ любовью слѣдить за писателемъ» — Θ. Д., V, 580—581) написаны еще полторы страницы. Чьи они? Вряд ли Достоевского, но они слишком вычищены редактором, чтобы признать их

страховскими. Кончатся эти общие рассуждения из предисловия — и начинается экспрессивный диалогический стиль другого автора. В редакции «Времени» был только один человек, который со снисходительным восхищением относился к человеческим слабостям и творческой незадачливости литератора, выступавшего под псевдонимом Новый Поэт.

Такое внимание к Панаеву во «Времени», имея в виду насмешки коллег и критику Нового Поэта в газетах и журналах, выглядит странным; и тем не менее Панаев оказывается одним из фельетонных героев журнала Достоевских. Претензий, которые редакция «Времени» предъявляла Панаеву, достаточно, чтобы погубить любую литературную репутацию, между тем анонимный автор бессознательно стремится к противоположному эффекту. В его представлении, Панаев обладает незаурядным характером, является забавным человеком, эксцентричным литератором, характерным явлением литературной и окололитературной жизни. За этим отношением к другому литератору стоит давнее светлое воспоминание, благодарная память о роли Панаева в триумфальном дебюте, о его восторженном открытии «нового Гоголя», нового гения в русской литературе. Таких воспоминаний и переживаний, связанных с Панаевым, не имели ни Н. Н. Страхов, ни М. М. Достоевский, ни другие сотрудники «Времени». Вывод очевиден: Страхов мог составить компиляцию, подготовить кое-какие комментарии к выбранным эпизодам, представить наброски статьи, но идейно-тематические и стилистические исправления свидетельствует о принадлежности текста Достоевскому.

И, наконец, главный аргумент: чувствительный к чужому вмешательству Страхов не считал эти статьи своими, не включал их в свои сборники статей, хотя дорожил собственными текстами — и позднее печатал даже фрагменты своих критических трудов.

Таким же образом обстоит дело с другими статьями, которые предположительно и без доказательств приписывались разным авторам, но никто из них не включал эти тексты в свои сборники статей и собрания сочинений, нередко включая менее существенное и более заурядное из написанного и опубликованного.

Изучая проблему авторства анонимных и псевдонимных статей во «Времени» и «Эпохе», исследователи до сих пор искали исключительно авторскую работу Достоевского, как будто им двигала идея персонализма творчества. Напротив, в редакторской работе Достоевский стремился к деперсонализации идей, к отказу от личного выражения общественных настроений.

Достоевский решал в журналистике иную проблему творчества. За его требованием анонимности стояла художественная сверхзадача сотворения Автора, который не только пишет сам и редактирует других, но и пишет за всех. Следуя литературному манифесту «Объявлений», он выстраивал свои и чужие статьи в русское направление «Времени». Его анонимный Автор не был безликим журналистом. Он был гражданином, патриотом, просвещенным европейцем, ироничным совре-

менным человеком, облачающим заблуждения, преданным прогрессу, знающим истину и то, что стоит за этим знанием. Ему было дорого свое и чужое. Он осваивал чужое как свое.

Достоевский редактировал журнал, как будто писал художественное сочинение, только его героями становились другие авторы и читатели. Он сознательно создавал такую эстетическую ситуацию, в которой личное *я* превращалось в соборное *мы*.

Художественными средствами Достоевский творит образ Автора, который ведет направление журнала. Вместо «коллективного бессознательного» (как в мифе) он создает *коллективное сознательное*, заявив этого Автора в литературной программе журнала («все мы») и образовав неологизм *всемство*.

Анонимный Автор «Времени» — надличная фигура. Он всеобщ и типичен в своей безвестности. Он стремится к общему с народом направлению, отстаивает свои идеи в полемике с Н. А. Добролюбовым, М. Н. Катковым, П. И. Вейнбергом, М. Е. Салтыковым-Щедриным, М. А. Антоновичем, И. С. Аксаковым, западниками и славянофилами, нигилистами и прогрессистами.

Обезличение полемики имело положительные стороны: оно позволяло избегать перехода на «личности», спорить об идеях, без амбиций вести направление. Впрочем, удавалось так не всегда, но очевидно стремление к этой цели.

В полемике журнала не было желания снять все «противоречия «Времени»»; было другое — сознательная установка на единство противоположностей и примирение противоречий, на разноречие мнений и убеждений, на превращение косноязычия «общих мест» и тривиальных мыслей в пророческую речь и учительную проповедь.

Редактируя журнал, Достоевский предпринял грандиозный эстетический и социальный эксперимент. Он мыслил журнал как художественное сочинение. Каждый том композиционно выверен: не номер, а художественное произведение.

Чтобы достичь такого эффекта, необходима творческая личность (Автор), редактор или издатель этого сделать не в состоянии.

Достоевский создал направление, сформулировал идеи времени (и прежде всего русскую идею), обосновал идеологию почвенничества.

В критике и полемике Достоевский отстаивал программу журнала, его *русское направление*. Вся ответственность за идеи «Времени» лежала на Достоевском. Создание направления — это сотворение *мы* из разных *я*, слияние и синтез общего, осознание «русской идеи как синтеза всех европейских идей» (Ө. Д., IV, 9), осознание себя русскими в общем устремлении в будущее.

Журнал «Время» имел феноменальный успех. Он был невозможен без удачного сочетания и дополнения личных и творческих качеств двух братьев — Михаила и Федора. Трудно, а подчас невозможно раз-

делить вклад каждого в общее дело: не только Ф. М. Достоевский влиял на старшего брата и правил его тексты, но и М. М. Достоевский в каждодневном общении влиял на гениального брата, редактировал его статьи, держал корректуру его произведений. Собранные в данной книге авторские и редакционные тексты в буквальном смысле овеществляют плоды их общего труда.

Закрытие журнала из-за невинтной статьи Страхова «Роковой вопрос», которую катковская партия и правительство восприняли как «антипатриотическую», стало началом необратимого падения журнального предприятия братьев Достоевских.

Новый журнал «Эпоха» просуществовал недолго. Его преследовала череда неудач: разрешение на издание журнала было получено 27 января 1864 г., когда закончилась подписная компания; первый сдвоенный номер вышел 24 марта; первые месяцы издания журнала Достоевский проводил в Москве возле умирающей жены, смерть которой последовала 15 апреля, а 10 июля умер издатель и редактор М. М. Достоевский, которому так и не удалось войти в график выхода номеров; журнал печатался в разных типографиях, не приобретал, а терял подписчиков. Все издательские и редакторские заботы взял на себя Ф. М. Достоевский, для которого 1864 год стал годом испытаний: смерть жены, смерть брата, неудачи журнала и их одоление в редакторских трудах. Чтобы войти в график издания журнала, Достоевскому пришлось выпускать по два номера в месяц. В начале 1865 г. он сдержал слово — погасил долг подписчикам, но это не помогло: кредит доверия был потерян окончательно. Подписка не дала средств на продолжение журнала. В марте 1865 г. после выхода второго номера издание прекратилось. За Достоевским остались долги, свои и брата, и почти на семь лет — угроза долговой тюрьмы.

В жизни Достоевского ничто не проходило бесследно. Из этой житейской неудачи он в полной мере извлек уроки, когда в 1873 г. поднял почти безнадежный еженедельник «Гражданин», когда в 1875 г. объявил о единоличном издании «Дневника писателя», да и в ближайшей перспективе после этого опыта сотворения из «чужих голосов» надличного Автора «Времени» Достоевский был уже готов к жанровому открытию нового романа, который М. М. Бахтин назвал полифоническим. За поражением неизбежно маячил новый триумф — спустя несколько месяцев началась работа над «Преступлением и Наказанием».

В. Захаров